

Главный Тронный Зал Императорского Дворца представлял собой комплекс пышных палат, оборудованных системой огромных передвижных ширм. Эти позолоченные разделяющие ширмы можно было сдвинуть с любой стороны, превратив пространство как в единое безмерное и грандиозное место, так и в ряды частных залов для аудиенций по обеим сторонам от главной палаты. Попасть в одну из этих малых палат, как правило, означало одобрение и благосклонность со стороны Императора; счастливицу необходимо было совершить процессию через центральный зал под настороженными взглядами присутствующего двора, дав всем понять, какой почести он удостоен.

Большинство встреч Люка с Мастером проходили конфиденциально и вопреки всеобщему убеждению они никогда не подразумевали ничего кроме факта, что Император играл в свои игры вселенского масштаба, в которые были вовлечены буквально все, независимо от их желания. Сейчас Люк спокойно шел через главный зал, не обращая внимания на ревнивые взгляды, остановился для поклона Мастеру и двинулся дальше, в сторону, к частному вестибюлю малой палаты для аудиенций.

Люку всегда казалось странным, что в Тронном Зале отсутствовали окна. Только по три высоких, узких прорези в толстых стенах с каждой стороны от престола, ограниченный размер которых позволял лишь крохи дневного света, не давая никакого обзора окружающей дворец Империи. Два небольших круглых потолочных окна на уровне крыши проектировали вниз безупречные окружности, медленно ползущие по бледному мрамору возвышения, на котором стоял Трон, вслед за уступающим ночи днем, переходя от яркого, ослепительно белого к пламенно красному; но и эти окна не давали представления о городе за стенами.

Впрочем, Палпатин никогда особо и не смотрел на свою Империю. Из тяжело полученного опыта и понимания перспективы будущего своего Мастера Люк давно понял, что интерес Палпатина к правлению заключался в мощи и власти, которыми он обладал сам лично, а не в Империи, которой он управлял; его притягивало и очаровывало доминирование над личностью, манипулирование. Если бы он потрудился смотреть на свою Империю чаще, он мог бы увидеть, как она стонала под весом его деспотичного правления, алчных налогов и неоправданных ограничений и мог бы понять, как это подпитывало и разжигало огонь мятежей и восстаний.

Но он не хотел смотреть. Его это не волновало.

Чуждость сострадания могла бы стать его погибелью. Слепое высокомерие, корысть и тщеславие, сделавшие его когда-то готовым заплатить любую цену за обретение власти, могли бы однажды низвергнуть его.

Высокая позолоченная ширма плавно скользнула в сторону, и Люк вошел в пустой, безмолвный вестибюль; стена неслышно закрылась за ним. Огни зала заполняли его мягким рассеянным светом, отражающимся сиянием на панелях стен, на одной из которых с помощью замысловатой гравировки по драгоценному металлу и изысканной эмали находилось мастерское представление Глубинных Систем галактики. Одна из двадцати трех подобных панелей, изображающих разные сектора Империи, от пола до потолка по всему периметру Главного Тронного Зала; чтобы Император не забывал, чем владеет, с сухим сарказмом подумал Люк.

Зная, что ему предстоит долгое ожидание, отделенный и скрытый от двора Люк уставился на рисунок стены - точно так же, как он делал это десятки раз раньше, стоя спиной к пустому трону в непомерно роскошной, отделанной золотом палате. Эта панель была единственным достойным внимания предметом в длинном, внушительном вестибюле. Погрузившись в мысли, он рассматривал тонкую, искусно сделанную работу, в который раз дивясь невероятному

таланту и мастерству уельца, выполнившего ее.

Стараясь не думать, как получилось, что парень с Татуина стоит сейчас здесь, на Корусканте, в императорском дворце, в частной палате правителя Империи... и задумываясь, на какой из позолоченных панелей огромного тронного зала изображен его домашний мир в виде какого-нибудь крошечного невзрачного шарика пыли в окружении пары жестоких солнц.

Он никогда раньше не интересовался этим. Но сейчас его объяло внезапное, острое до боли желание разыскать Татуин. Для чего - он не знал; его мир здесь был просто меткой, неточным творческим изображением - но жажда найти это поглотила его. Чтобы только... коснуться точки на изысканной звездной карте... Чтобы коснуться дома - коснуться своей невинной наивности, чистоты... почти, как если бы он мог туда вернуться.

Но сожалением ничто нельзя было изменить, и чувство вины было только слабостью, которую использует его Мастер - давно полученный урок. Люк решительно отвернулся, поворачиваясь спиной к карте и ощущая гудящее давление в глубине своего сознания, указывающее на близкое присутствие Палпатина. Кратковременная свобода, которую он испытал, растворившись в многочисленной безликой массе находящейся за стенами столицы теперь была потеряна для него; беспокойные, горестные мысли и игры сознания, которые он позволял себе, прячась в густонаселенном мегаполисе, были теперь запрещены. Он не мог показать своих опасений перед Палпатином; никаких трещин в своих щитах.

У него была повестка дня на сегодня; и он не ждал, что достигнет своей цели в обход желания Мастера восстановить власть над своим своенравным адептом после его непредвиденных действий с ботанами. Только пока Люк сохранял присутствие духа, показывая надлежащим образом раскаяние и сожаление - предоставляя при этом соблазнительную приманку для отвода мыслей Палпатина в сторону - успешный исход этой встречи был достижим.

Сегодня он закладывал основу... и платил за это. Еще одно подстрекательство к переделу границ - и умственных, и физических - за это придется заплатить, Люк не сомневался; вопрос был всегда в том, какой будет цена.

Он глубоко втянул в себя воздух, устанавливая ровное, спокойное дыхание, прошелся еще раз по своим ментальным щитам, проверяя, насколько хорошо убраны за ними все его мысли и сомнения. Здесь он не мог позволить себе никакой слабости - не перед жестким испытующим взглядом своего Мастера.

И так он и продолжал стоять, в богатой душевной комнате, поставив ноги на ширину плеч, заложив руки за спину и игнорируя изматывающую ноющую боль в левом плече, непрекращающуюся даже спустя месяцы после его выздоровления. Затеняющее все мрачное присутствие Мастера, находящегося в такой близости, пресыщало разум, хотя Люк не ощущал в нем ничего определенного: ни гнева, ни терпимости; все намерения были скрыты стенами позади других стен - являющихся зеркалом собственного разума Люка в присутствии Императора; они оба хорошо играли в эти игры.

Тем не менее он ждал, понимая, что это ожидание также было частью замысла Мастера - чтобы подтолкнуть Люка к краю, вывести из равновесия, дать время для блуждания мыслей.

Минуты превратились в часы, а он все ждал, опустив голову, закрыв глаза...

Люк встряхнулся из забытья от почти бесшумного звука плавно скользящих массивных панелей. Он не стал поворачиваться к входящему Мастеру, шорох тяжелых одежд по мрамору мгновенно прошелся дрожью дурного предчувствия по спине, оживляя с необыкновенной

силой воспоминания о слишком многих днях и ночах заключения в казематах дворца; звук, всегда предвещающий еще один цикл язвительных насмешек и адских мучений.

Палпатин молча шел вдоль длинного зала, прекрасно зная о кратком и быстро подавленном всплеске паники своего джедая - верный знак, что он был в чем-то виновен, даже если Палпатин еще не знал в чем именно. Мальчишка редко позволял даже толике эмоций показываться из-под своих непроницаемых щитов, оставляя снаружи только неизменную решимость.

Палпатин вызвал своего джедая для ответа за его неожиданно любопытные действия против ботанов... но, возможно, здесь можно будет выявить более серьезные проблемы.

Император сделал два заключительных шага на низкое, чуть приподнятое от пола возвышение и устроился на своем месте; мальчишка спокойно преклонил перед ним колени, потупил глаза.

Минуту ни один из них больше ничего не предпринимал; Палпатин ждал, что мальчишка сломается и спросит, зачем он вызван, Скайуокер же явно был готов ждать своего Мастера в тишине, опершись коленом в пол и опустив голову.

Даже сейчас, зная, что его джедай тонко использует то же самое приглушенное, пассивное понимание в Силе, как и сам Палпатин, он не отказывался от этого. Каждый из них стремился получить преимущество, проникнув в суть намерений другого, тонких, но вполне читаемых...

В конце концов Палпатин зашевелился, устраиваясь поудобнее, и испустил громкий, театральный вздох.

- Почему ты здесь? - произнес он многострадальным, сердитым тоном.

- Потому что вы вызвали меня, Мастер, - ровно ответил мальчишка, ничего больше не добавляя.

- И почему мне пришлось сделать это? - побуждил Палпатин, наблюдая за небольшой паузой джедая, нужной тому, чтобы взвесить последствия своего дальнейшего уклонения от сути, единственным мотивом которого было его врожденное упрямство.

- Я уверен, что у вас есть причины, - ответил наконец Скайуокер, по-прежнему держа взгляд на мраморном полу перед собой.

Палпатин прищурил глаза: у мальчишки, разумеется, были свои основания для всего, что он делал; у него не было привычки к простому вскипанию, чтобы только выплеснуть свое расстройство и гнев, как у его отца. Если он действовал так твердо и неуклонно - значит в этом была какая-то логика, помимо тех фактов, что отражались в официальных рапортах, посылаемых с "Несравненного". Ни один из которых не склонял Императора к желанию отдать хоть пядь в уступке на их встрече с джедаем.

Люк не поднимал головы, упрекая себя за то, что продолжает сопротивляться только потому, что рассержен снисходительным и самоуверенным тоном Мастера. Люк пришел сюда с целью обосновать свои действия против ботанов и получить разрешение пойти против Восстания, и он не достигнет этого, упираясь здесь пятками; ему повезет, если он получит это вообще.

Приказывая себе отступить, он встал и поднял глаза к Императору с раскаивающимся выражением на лице.

Несколько смягчившись и успокоившись, Палпатин расслабленно откинулся на спинку трона, посылая тонкое сообщение даже через это действие. Наконец тоном колеблющимся где-то между злым раздражением и досадой он начал неизбежную игру:

- Что ты делаешь?

Ужасно хотелось ответить, что он лишь стоит перед своим Мастером, но Люк воздержался от сарказма и дал прямой ответ:

- То, к чему мой отец кажется неспособным. Устраняю тех, кто представляет угрозу для вашей Империи.

- В самом деле? Однако моя Империя, кажется, держалась два десятка лет только с одним твоим отцом на службе. - Пронзительно острый голос Палпатина прозвучал жестко и сухо, давая понять, по какой тонкой линии шел сейчас Люк. Необходимо было рассеять это, и быстро.

- Прикажите мне, и я остановлюсь, - сказал он, зная, что Палпатин захочет поймать его на блефе, который на данный момент был несущественен. Он уже был готов уступить. То, что он делал последнее время, достигло своей цели и теперь, остановившись, он мог заплатить за успокоение Мастера.

- Прекрати нападать на ботанов, - немедленно сказал Палпатин.

- Как вы желаете, Мастер, - Люк слегка склонил голову, уступая; создавая образ безупречного приспешника.

Снова Палпатин замолк в настороженной тишине, и Люку не нужно было смотреть, чтобы знать, что он подозревается в манипулировании, но все же он поднял глаза навстречу взгляду своего Мастера, пытаясь сохранить открытое выражение лица, раз это невозможно было сделать с разумом, и надеясь достаточно насытить гнев Палпатина, чтобы тот готов был слушать дальше.

- Почему именно они? - спросил Палпатин низким скрипучим голосом.

Люк подавил свое удовлетворение:

- Мой выбор не был случайным, Мастер. У меня была цель - и она достигнута.

Император долго смотрел на него пристальным жестким взглядом охровых глаз, вспыхивающих под его темным широким капюшоном. Люк вынудил себя держать этот взгляд, не моргая...

По прошествии долгих секунд, вновь напоминая себе о своей настоящей цели, он отвел глаза в сторону. В бездушной, расточительно пышной до нелепости комнате повисла тяжелая тишина. Люк ждал вопроса своего Мастера...

Но Палпатин не шел на поводу так легко.

- Ботаны предоставляют много информации "Черному Солнцу", - сказал он в конце концов, игнорируя заявление Люка о его успехе.

- Они также предоставляют много информации Восстанию. Я аккуратно выбирал свои цели.

Палпатин откинулся назад, размышляя, но нисколько не собираясь отпускать эту ситуацию.

- Ты попросил общего, всестороннего разрешения, зная точно, какие действия намереваешься предпринять.

- Я попросил разрешения пойти против напавших на меня, имена которых вы мне дали. Это был только первый шаг, средство для конечной цели.

Палпатин немного пододвинулся, он снова видел все то же размывание границ, что мальчишка обыкновенно использовал для покрытия своего неповиновения, то же обоснование, к которому он так часто обращался, чтобы повернуть приказы Мастера под свои нужды. Скайуокер стоял твердо и прямо, сжав руки за спиной - не такой уверенный, каким он хотел казаться, но, по крайней мере, решительный и смелый. Император поднес ко рту болезненную руку, пытаясь скрыть небольшую улыбку в порыве внезапной снисходительности при виде самообладания его Волка, этого хладнокровия под огнем.

- Ну? И чего ты добился своими стараниями?

Палпатин точно знал, что мальчишка ждал именно этого вопроса, и тот подтвердил это взглядом вспыхнувших глаз.

- Местонахождения Мон Мотмы. Гарантированного. Точный день, точное время.

Немедленно заинтересовавшись, Палпатин подался вперед - забыв обо всех играх:

- Гарантированного?

- Мотма была посредником в договоре между ботанами и Восстанием. - Скайуокер продолжал закидывать приманку, чтобы получить желаемое разрешение; он открыто предлагал информацию, стараясь подчеркнуть и свои обязательства перед Палпатином, и свое знание Восстания изнутри. Чтобы попытаться вынудить Мастера сделать то, что ему нужно, он мог разыграть только эти две карты. - Поэтому она лично пойдет на Ботавуи, чтобы заверить их в поддержке. Во-первых, из-за того, что она чувствует себя ответственной, и во-вторых, из-за того, что они - часть ее собственной политической поддержки. Именно поэтому я преследовал ботанов - я выманивал ее. Вынуждал к действиям.

Палпатин размышлял, потирая тонкие губы бледными восковыми пальцами.

- И ты знаешь, когда она будет там.

- С точностью до часа. Я даже знаю, что они изменят место встречи незадолго до нее. Дайте мне разрешение взять целевую группу к Ботавуи, и я принесу вам Мотму - это все, о чем я прошу.

Палпатин вновь взглянул мальчишке в глаза, протягивая тонкий ищущий усик Силы... Он чувствовал отчаянное желание Скайуокера получить это разрешение - и он знал точно, почему его Волк думал, что не получит его.

- Ботавуи находится во внешних регионах, это за пределами твоих границ и вне сферы твоих полномочий.

- Вейдер не поймает ее. Он не знает мятежников так, как я.

- Тогда расскажи ему.

Мальчишка помотал головой, не готовый отступить:

- Ситуация будет слишком непредсказуема. Я знаю их порядок. Я знаю их руководителей. Я знаю их слабости. Это должен быть я.

- Должен быть? - удивленно повторил Палпатин.

- Я прошу разрешения.

Палпатин не упустил вкрадчивого характера просьбы - того что, по крайней мере, его Волк на сей раз спрашивал, а не просто изворачивал предыдущее согласие Мастера наказать своих обидчиков, подводя все к тому, что он теперь может уйти из Основных Систем для их поимки. Если бы он так поступил, то зашел бы слишком далеко и он понимал это. Если бы он не повиновался до такой степени, то даже возвращение с Мон Мотмой не освободило бы его от гнева Палпатина. Император вновь расслабился, рассматривая ждущего с затаенным дыханием джедая...

Мальчишка вложил значительное количество времени и сил в то, что делал; что было плохого в разрешении ему лично захватить своего врага? В конце концов, на это Палпатин изначально и рассчитывал - на то, что сможет спровоцировать Скайуокера пойти против бывших союзников. Теперь мальчишка и пытался это сделать, продемонстрировать степень своих обязательств. Палпатин бесспорно ценил это... Тем более учитывая факт, что тот достиг данной цели менее чем за три месяца - особенно в условиях ограниченной разведки за последние недели, из-за молчания Лимэрита...

Внезапно глаза Императора сузились:

- Откуда ты узнал, когда она будет там?

Зная о темнеющем смерче в приглушенном настроении Мастера и о его резком пронзающем взгляде, Люк медлил с ответом; мысли мчались со сверхсветовой скоростью: что знает Палпатин? Ищет он информацию или ставит ловушку? «Отвечай! Быстро!»

- Разведка, Мастер, - дал Люк неопределенный ответ, произнеся его с легкостью и некоторым любопытством - словно удивляясь, что Палпатину понадобилось это спрашивать; надеясь, что тот не будет продолжать - хотя предчувствие уже стянуло горло Люка. - Есть...

- Последние пленные ботаны были подняты на борт "Несравненного" десять дней назад, - прохладно перебил его Палпатин.

«Вирс!»

Люк еле сдержался, чтобы не выказать расстройство. Он приложил много сил, пытаясь скрыть от любопытных глаз все специфические детали операции, включая даты захвата пленных - разделяя и снова комбинируя заключенных так, что ни у кого не было полной картины. Кроме, возможно, Мары, которую он старался максимально нагрузить делами... и Вирса - единственного человека на борту «Несравненного», имеющего достаточный ранг для представления ситуации в общих чертах.

Император склонил голову набок, все в более угрожающей манере.

- Но служба внешней разведки не получала никаких сообщений от моего шпиона в Восстании уже в течение месяца. Если ты узнал о решении Мотмы месяц назад, то продолжать изводить мало значащих ботанов после этого кажется... необыкновенно расточительным. Нехарактерным для тебя, можно сказать. Если это не так, и информация о решении Мотмы пришла недавно, тогда мне интересно, откуда все же ты ее получил? Твои объяснения?

Теперь в мыслях Люка трубил один вопрос: знает ли уже его Мастер о том, что Люк устранил Лимэрита или лишь только строит предположения? По информации Люка наемник, предоставленный Каррде, выполнил свою задачу, убив Лимэрита, после чего был убит сам. Люк лично связался с мятежниками под своим псевдонимом и отдал им имя наемника. Четко проведенная, как по учебнику, операция...

Но из-за непредвиденного вмешательства Вирса, проблема того, разрешат ли Люку пойти самому за Мон Мотмой, внезапно стала вторичной; на первый план вышла перспектива провести несколько следующих недель в камере, подвергаясь карающему "дисциплинарному взысканию" Палпатина. Император много терпел от своего своенравного протеже, но намеренная ложь считалась крайне критичным проступком и всегда встречалась самым суровым наказанием.

Мысли раскачивались в голове, на лице сохранялась все та же невозмутимая маска. Люк вынуждал разум работать. Он мог бы, конечно, заявить, что последовательная серия арестов была необходима для непрерывного давления на Мон - дабы обеспечить неизменность ее решения. Он мог бы даже заявить о своем непримиримом желании отомстить всем без исключения, кто был хоть как-то причастен к нападению на него. Но если Палпатин уже знает правду, все остальное будет прямой, откровенной ложью в глаза Мастеру.

Альтернативой было сказать правду. Или что-то наиболее близкое к правде - настолько, насколько позволяла ситуация. Абсолютной правдой было то, что он преследовал свою долгосрочную цель, свой большой план. И если бы шпион его Мастера находился в какой-либо другой позиции внутри Восстания, это могло бы быть приемлемым риском, но Лимэрит был руководителем ком-отдела на борту флагмана мятежников, и возможное обнаружение им причастности Люка к длительной передаче информации Восстанию, какой бы она ни была, привело бы к длительному периоду "исправления". Вполне вероятная возможность, когда руководитель ком-отдела мятежников - существо, контролирующее все поступающие и выходящие коммуникации - оказывался по совместительству агентом Палпатина.

Выбранный Люком курс действий (менять который было слишком поздно, конечно) - убийство Лимэрита и последующее разоблачение его убийцы - был тщательно рассчитан и необходим для придания убедительности его вымышленной личности и получения доверия у мятежников, а также для гарантирования безопасности Эрго - собственного шпиона Люка на флагмане Восстания. Все это было скрыто за его действиями против ботанов и до сих пор отлично работало.

Поимка Мотмы должна была стать хорошим отвлечением от необходимости Люка удалить Лимэрита для преследования собственной цели, решающий замысел которой сформировался у него во время выздоровления во дворце. Объяснение более тонких деталей того, как ему удалось захват неуловимого лидера Восстания - после того, как он сделал бы это - должно было стать для Палпатина доказательством принятых Люком обязательств и убедительным аргументом того, насколько он знаком с Восстанием изнутри и насколько компетентен и способен разделаться с ним. Потому что, прежде чем он смог бы привести свой большой план в движение, Люк нуждался в двух вещах: в управлении кампанией против мятежников, которую сейчас возглавлял его отец и в создании определенного мышления внутри Восстания,

определенной слабости, которую он один смог бы использовать. Ту, которую не было бы видно ни с внешней, ни с внутренней стороны.

Схемы внутри схем внутри еще одних схем - рискованная опасная игра на самых высоких ставках - именно та, которой научил его Мастер, своими действиями, если не словами. Но все это будет позже, когда позволит ситуация - не сейчас. Прямо сейчас все это усложняло его положение, ставя под угрозу планы пойти за Мотмой. Но ничего не оставалось, как только справиться с этим, держа удар, и затем посмотреть, сможет ли он перевести разговор в нужное русло. Попытка избежать ответа каким-либо образом лишь сделает Палпатина более подозрительным.

Мысли Люка мчались, ища то, что Палпатин понял бы, поверил.

- Мне было необходимо их доверие, чтобы добраться до Мотмы. Лимэрит купил его для меня.

- Ты отдал им моего родианца? - резко проскрежетал Палпатин, глаза угрожающе сузились. - Он много лет служил надежным источником информации.

Люк не вздрогнул под его взглядом. Возможно, должен был бы, хотя бы немного?

Слишком рано он открывал это, но слишком поздно было это менять; выдумывать что-то под таким давлением было чревато ошибками, а его Мастер был слишком коварным и хитрым противником, чтобы пытаться проворачивать этот гамбит. - Я заменил его. Внутри Восстания уже расположен другой агент, мы не остались слепы.

- И он...?

- Заслуживает доверия, Мастер. Вы хорошо преподавали мне. - О, ему не стоило так говорить. Люк видел все более сужающиеся глаза Палпатина, но он не мог отдать ему большую информацию, не сейчас.

Император прекрасно понимал двойное значение слов Скайуокера: и то, что он не заходил дальше черты очевидного неодобрения Мастера, и то, что он обошел молчанием имя этого нового агента; что ж, Палпатин действительно хорошо учил его.

- Не было причин менять его, - заявил Палпатин. Ему была безразлична судьба агента - чего нельзя было сказать о том, что его джедай сделал это без его разрешения.

- Для вас, Мастер. У меня были причины.

Палпатин только нетерпеливо поднял брови.

- Он пошел против меня три года назад, - категорично ответил мальчишка, вздернув подбородок. - Неважно, знал он, кем я был или нет. Он продал меня Альянсу. Вы учили никогда не оставлять счет неоплаченным, Мастер - так что вы ожидали, когда раскрыли мне его имя?

Память быстро и лаконично подсказала момент о кажущемся слабым интересе его Волка, когда Палпатин открыл ему личность Лимэрита; тогда он предположил, что все мысли Скайуокера направлены на информацию о виновных в покушении. Палпатин вскипел, негодуя, что неправильно прочитал ту ситуацию, и его гнев был немедленно направлен на мальчишку. Даже если у того была действительная причина для устранения Лимэрита, он все еще сделал это без согласия своего Мастера.

- Кроме того, - добавил его джедай, поспешно приводя вторую, не менее стоящую причину, - было довольно опасно оставлять его там: что, если бы его раскрыли? Он знал слишком много о Люке Скайуокере - знал, что тот не был имперцем... во времена, когда Лимэрит предоставлял обратные доказательства. Если бы в Восстании узнали, что родианец был вашим шпионом...

- Поэтому ты продал его им. И теперь они проверят его прошлое и подвергнут сомнению все, что он когда-либо делал - включая твоё "раскрытие".

- Нет, Мастер. Он умер с неповрежденной репутацией, я послал наемника для его убийства. Того, кто думал, что наследник хотел мести мятежнику, сломавшему его прикрытие. Я полагаю, что наемник был убит, прежде чем его смогли допросить, но если это не так, его показания только подтвердят то, во что они верят. К этому времени я уже спокойно разместил другого агента, никак несвязанного с теми событиями. Того, кому я доверяю, в хорошей позиции.

- Ты планировал это давно.

Разместить людей внутри Восстания было трудно даже для Палпатина. Правда сказать - как мальчишка только что проиллюстрировал - он опирался на опыт борьбы рядом с ними и знал их порядки как нельзя лучше. Но тем не менее Палпатин подозревал, что это был гораздо более давно задуманный план, чем он казался вначале. И в этом была причина того мгновенно подавленного дурного чувства, которое вспыхнуло в его джедае, когда Палпатин только вошел в зал - помимо его обычного опасения!

- Как составную часть стратегии, да, - осторожно произнес мальчишка, и он был прав в своей осторожности, учитывая, что Палпатин изначально запретил ему любую причастность к выслеживанию мятежников. - Моей целью была Мотма. Вы сами сказали, что именно она подписала приказ о моем убийстве... Вы знали, когда говорили мне это, что я буду действовать.

- С моего позволения! Я дал тебе разрешение действовать против виновных в покушении на тебя в пределах твоих полномочий!

- Тогда дайте мне эти полномочия! Дайте мне контроль над антимятежной целевой группой.

Какое-то время Палпатин находился в нерешительности, на мгновение ошарашенный и беспрецедентной просьбой, и нагим желанием в голосе его джедая. Неужели его потаенный план по подстрекательству мятежников, чтобы оттолкнуть от них Скайуокера, имел такой успех? Поскольку страсть - необходимость - в воззвании мальчишки, явно и неприкрыто звучала в Силе, словно чистейшая мелодия.

Это успокоило его... немного. Смягчив тон и откинувшись в своем изощренно резном троне, он ответил:

- Вейдер командует этой группой.

- Вейдер слишком медлен.

Скайуокер никак не подчеркивал связи между собой и отцом перед Императором, зная из опыта, что тот не станет терпеть этого. Палпатин изучал своего дикого джедая, и Скайуокер не пытался ни избежать этого, ни отвести собственный пристальный взгляд. Его холодные синие глаза были осторожны, как всегда - он прекрасно осознавал, что скользил по самому краю, но он проводил там теперь всю свою жизнь, в любом случае, и потому не испытывал реального страха. И именно поэтому Палпатин наслаждался его «компанией». Его было трудно запугать,

трудно управлять. Но это приносило острые ощущения.

Однако Палпатин не собирался отпускать мальчишку так легко.

- Если ты хотел смерти Лимэрита, ты должен был спросить моего позволения убить его.

- Лимэрит был лишь незначительной деталью. Я хотел доказать свою ценность - что я могу повергнуть ваших врагов лучше Вейдера. - Его Волк склонил голову, показывая покорность, когда Палпатин точно знал, что тот не чувствует ничего подобного.

Император не мог не понимать, что с удалением Лимэрита в пользу собственного шпиона Скайуокера, любая информация, которую он теперь получит из Восстания, будет сначала проходить через его Волка. Он мог бы вынудить мальчишку открыть ему личность шпиона и перевести все контакты с ним на себя, но это станет демонстрацией слабости, к тому же у него не будет никакой гарантии преданности агента, которого не сам он поставил. Конечно же Палпатин разместит другого шпиона, но это потребует времени и не изменит факта, что у его джедая по-прежнему останется свой собственный надежный источник информации.

Он изучал уроки в руках Мастера несколько лучше, чем было нужно - и намного больше, чем это показывал.

- И мои действия дали так много... - убедительно заявил мальчишка, прерывая тихие раздумья Палпатина. - Мотму, если вы позволите мне доставить ее вам.

- Позволить тебе доставить ее, - акцентировал Палпатин, понимающе кивая. - И, конечно, это должен быть ты, потому что ты знаешь ее замыслы?

Скайуокер почти соскользнул - почти сказал "мой", но вовремя поймал себя, прежде чем губы начали формировать слова:

- Ваш недавно размещенный информатор знает. С точностью до часа. - Мальчишка по-прежнему трудился над тем, чтобы вернуть разговор в нужное ему русло - хотя знал, что его Мастер отнюдь не обладает терпимостью. - Я могу вручить ее вам, Мастер - если вы позволите мне. - Ведомый желанием, Скайуокер шагнул вперед, даже не сознавая этого.

И здесь, понял Палпатин, именно здесь была возможность наказать мальчишку.

- Нет, - ответил он просто и откинулся назад, ожидая посмотреть на фейерверк.

Он не был разочарован.

- Нет?! - мальчишка фактически закричал, не в силах поверить в услышанное, все его самообладание рухнуло.

С какой чудесной внезапностью он ломался - Палпатин никогда не уставал наблюдать за этим.

- Нет. Ты действовал без моего разрешения. Это - сфера правомочий твоего отца, что ты прекрасно знаешь.

- Мне понадобилось несколько месяцев, чтобы добыть информацию, за которой он впустую гонялся два десятилетия! Потому что я знаю их - их силы и слабости. Я могу заманить ее в ловушку.

- Почему я должен разрешить тебе? - понуждал Палпатин мальчишку дальше, забавляясь его

расстройством от крушения надежд.

- Потому что я заслуживаю этого. Потому что она пыталась убить меня. Это - мое право захватить её, не его.

- Значит, ты бросил мне вызов только, чтобы осуществить свою личную вендетту? - произнес Палпатин, повышая собственный голос, зная, что мальчишка теперь в его руках, гнев и раздражение открыли щели в обычно непрístupной броне. Ему было еще чему учиться, весьма обнадеживающий факт.

- Нет, Мастер, - вымучил мальчишка, расстроенный тем, что был загнан в угол.

- У тебя НЕТ никаких прав! - проревел Палпатин, заставляя Скайуокера опустить голову - на этот раз искренне - и сжать челюсть, держась против гнева Мастера. Палпатин указал костлявым пальцем в пол, и мальчишка, не видя этого, понял и опустился на колени. Но медленно, неохотно - что только еще более накормило гнев Палпатина. - Ты - ничто! Все, что ты из себя представляешь, принадлежит мне. Все, что ты думаешь и все, что ты делаешь, должно удовлетворять моим целям, ты понимаешь это?!

- ...Да, Мастер, - проговорил он спокойно, и это дорого обошлось ему.

Палпатин встал и прошествовал к напрягшемуся мальчишке, наклонился, протягивая руку, и мягко погладил его щеку тыльной стороной пальцев, цепляясь ногтями за бугры шрама; напряжение на лице джедая возросло.

- Не думай идти против меня, - зловеще прошептал Палпатин, склоняясь к нему. - Тебе еще слишком далеко до меня, дитя. - Он поднял голову мальчишки, остро вонзаясь ногтями в подбородок и оставляя царапины. - Не заставляй меня вновь повторять одни и те же уроки.

Угроза, сопровождающая тихие слова, на мгновение подняла к нему несогласованные глаза. Уроки дались Скайуокеру кровью и сломанными костями, и они оба знали, что Палпатин не будет колебаться закрепить их, если решит, что его контроль ослабевает. Как не колебался раньше.

- Ты понимаешь? - едва слышно проговорил Палпатин; бледная рука прошлась по израненным губам его Волка.

Скайуокер слегка отдернулся в отвращении, не в силах сдержать себя.

- Да, Мастер. Я понимаю.

О, в тех глазах было негодование. Ярость и страх одновременно. Палпатин улыбнулся, получая гораздо больше удовольствия от нежелания и сопротивления своего павшего джедая, чем он когда-либо получал от его повиновения. Три года прошло с тех пор, как Скайуокер встал на колени первый раз, и он все еще был тем же волком, что и всегда. Таким же диким и необузданным; все еще пытающимся бежать, все еще испытывающим цепи, которые связывали его. И все же удерживаемым под контролем, укрощенным достаточно, чтобы возвращаться к ноге Палпатина, управляемым одной его силой желания и воли.

Что было изумительно, живительно, захватывающе.

Император повернулся к мальчишке спиной и отошел с некоторой нарочитой небрежностью, оставляя того в напряженном ожидании, неуверенности, что сделает его Мастер в следующий

момент.

- Передай. Все. Детали. Лорду. Вейдеру, - отрывисто и резко проговорил Палпатин, останавливаясь перед искусно сделанной ширмой, пока она скользила в сторону. - Он командует антиповстанческими силами, и это - его дело. Ты больше не должен быть вовлечен.

- Да, Мастер, - его джедай склонил голову. Не уважение, только осторожная капитуляция. Но этого было достаточно.

Риис устало вошел в медцентр на борту "Несравненного", выскывая глазами Халлина. Доктор нашелся в одной из боковых комнат, поглощенный изучением некой химической реакции на голоэкране. Риис вступил внутрь, на фоне его массивного корпуса небольшая, худощавая фигура Халлина стала казаться еще миниатюрней.

- Мы возвращаемся во дворец, - сообщил Риис тоном, ясно показывающим, что новость не стала большой неожиданностью.

- Мы снова заперты? - покорно откликнулся Халлин; они все в какой-то мере ожидали, что так и произойдет. Наследника регулярно ограничивали корускантским дворцом за предполагаемое неповиновение - а на сей раз оно даже "не предполагалось"; таким образом, никто особо удивлен не был, и меньше всего Халлин.

Правда, у Халлина имелось сильное подозрение, что Императору попросту нравилось держать своего наследника под рукой, и он использовал любой повод для этого, пусть получалось и ненадолго - ибо Люк, будучи Люком, воспринимал данное ограничение, как открытый вызов и предпринимал все возможное, чтобы скорее оставить дворец.

Последовавший ответ Рииса искренне удивил доктора.

- Нет. Но Наследнику отказано в разрешении оставить Основные Системы, как он предназначал.

В идеале Халлину несомненно хотелось, чтобы весь его медцентр, наряду с офисами и частными комнатами Рииса и Наследника, был всегда свободен от любых устройств наблюдения - чтобы они всегда могли говорить свободно - но Люк здраво рассудил, что подобное будет равнозначно громкому заявлению об их совместном сговоре. Поэтому безопасны были только несколько комнат медцентра, и сейчас они находились не в них - что требовало небольшой мысленной правки, дабы читать между строк то, что не было сказано вслух. Отчасти данный способ общения был похож на изучение другого языка.

- Я полагаю, Наследник надеется убедить Императора отменить его вето, - дипломатично произнес Риис специально для подслушивающих устройств. И это означало, что Скайуокер желал известить, что он по-прежнему настроен договориться о получении разрешения на условиях Императора.

- В противном случае, насколько мне известно, он собирался начать подготовку к обходу колониальных систем по неторговому расширенному маршруту, вместе с "Яростью" и "Бесстрашным". Полагаю, он использует возвращение во дворец, чтобы удостовериться, что его дела здесь в порядке, прежде чем идти в такой длительный поход.

Перевод: "Если Палпатин не позволит ему эту небольшую прогулку за пределы Основных Систем, Скайуокер поставит себе задачу, как можно дольше избегать Корусканта."

Иногда то, что за ними наблюдали, было полезно, являясь довольно неплохим способом передачи необходимой смысловой информации без обращения к таким грубым средствам, как прямое высказывание вслух.

- Наследник приказал, чтобы все его личные сотрудники вернулись во дворец. Твой штаттл уходит из главного ангара через четыре часа. Поторопись собраться, пожалуйста. Если возникнут какие-либо вопросы, я буду в кабинете Наследника на мостике, мне нужно закончить его дела здесь.

И это, разумеется, означало: "Я буду в одной из зачищенных комнат корабля; если необходимо поговорить до твоего отлета, приходи туда".

Знание языка значительно облегчало жизнь.

Мара нашла Скайюокера стоящим на эбеновом полу главного тренировочного зала, готовым к началу своей утренней тренировки. Они теперь тренировались вместе через день, хотя сам он делал это ежедневно с тех пор, как только его организм стал способен к этому. К тому же каждый второй вечер они посвящали рукопашному бою. Оба пользовались возможностью получить специфичный опыт и знания друг друга, совершенствуя свои навыки.

И конечно же Мара еще и просто получала удовольствие от компании Люка - хотя она ни за что не призналась бы в этом вслух.

Во время этих встреч Люк всегда был намного раскованнее, чем обычно; его разум полностью концентрировался на тренировке и плотные, непроницаемые щиты немного опускались вниз.

И сегодня, когда у Мары была определенная миссия, это было ей очень на руку. Накануне - после встречи с Императором - Люк наглухо заперся в своих комнатах, и даже Мара понимала, что в такой момент к нему не стоит идти. Вместо этого она провела вечер, размышляя о его действиях при их полете на Корускант; и в итоге решила сходить к техническим ангарам, чтобы проверить записи приборов его истребителя.

Согласно им в системе не было никакого сбоя, когда он медленно и бесконтрольно вращался навстречу надвигающемуся потоку транспорта. Бортовые устройства зарегистрировали факт "опасного сближения", за десять секунд до спроектированного столкновения был подан звуковой сигнал, но никаких ответных мер предпринято не было. Дальнейшая проверка раскрыла еще более озадачивающие факты: незадолго до происшествия были деактивированы щиты, а система не зарегистрировала никакого давления на рычаг управления в течение тридцати секунд, из чего следовало, что так называемый "рычаг мертвеца" должен был отключиться, активируя автопилот. Сам рычаг перед этим "жужжал" - стандартная вибрация для предупреждения о скором вмешательстве автопилота, дающая время для малейшего давления на него... достаточного только для того, чтобы система вновь начала отсчитывать положенные тридцать секунд.

Все это фактически означало, что Люк попросту выпустил рычаг своего истребителя и... позволил ему падать навстречу другим кораблям. Намеренно. Потому что, когда система пыталась активизировать автопилот, Люк делал небольшое движение для предотвращения этого, оставляя маленький корабль свободно падать дальше, с отключенными щитами...

Мара сидела в истребителе больше часа, пытаясь понять это. Не в силах придумать хоть какое-то рациональное объяснение его действиям, она решила пойти к самому первоисточнику и использовать все возможности, чтобы получить от него правду - поэтому момент она выбрала аккуратно.

Люк закончил одну из форм, когда к нему подошла Мара, изучающе рассматривая его фигуру. С каждым днем он становился немного свободней в движениях, немного ближе к своему прежнему уровню. Для опытного глаза Мары его левая сторона все еще оставалась слабой и жесткой - этого было недостаточно, чтобы дать ей хоть какое-то преимущество в тренировке с сейбером, но в рукопашном бою он по-прежнему был уязвим... и она не была выше того, чтобы не пользоваться этим, выходя против Скайюокера. Ни на их тренировках, ни когда она осторожно вытягивала информацию из-под частотола его брони.

Хитрость состояла в необходимости застать Люка в самом уверенном его состоянии - с лайтсейбером в руках - а значит и в самом расслабленном.

Он повернулся к ней, ожидая, когда она пересечет широкий пространственный зал, грудь тяжело вздымалась после прохождения форм с мечом. Пока он ждал, он качнул сейбер в медленной петле по бокам от себя, а затем в обратном движении выпустил активированный сейбер и невозможно поймал его другой рукой. Мара содрогнулась.

- Не знаю, говорил ли кто тебе, что такие вещи опасны, - произнесла она, держа в руке собственный меч.

Он непринужденно улыбнулся:

- Твоя проблема в том, что ты слишком много практикуешь с "безопасными" мечами. Ты боишься "живого" клинка.

- Я бы сказала, что это разумная реакция на нечто, отрезающее части тела.

- Существует целая галактика разницы между боязнью чего-то и здоровым уважением к этому. Если ты вздрагиваешь каждый раз, когда живой клинок приближается к твоему лицу, ты практически навлекаешь на себя беду.

Мара подняла бровь:

- Я не вздра...

Не успела она договорить, как Люк наотмашь хлестнул сейбером в ослепительно-быстром ударе на уровне ее подбородка, Мара мгновенно активировала и подняла свой меч, блокируя удар. Рубиновый клинок Люка замер у ее плеча, когда она испуганно дернулась назад, не имея никакой силы в своей поспешной защите.

- Ты вздрогнула, - сказал он просто.

- Ты сам вздрогнул бы от такого! - закричала Мара с выпрыгивающим из груди сердцем.

- Нет, я бы нагнулся, - усмехнулся он, опуская сейбер. - Твои руки были слишком близко к телу, в таком положении тебе не хватило бы сил остановить удар с размаха - разве только ты приняла бы его у самой рукояти. Но это всегда довольно рискованно, потому что затем ты или вновь получишь наступающий удар, или - что более вероятно - твой противник слегка изменит траекторию и просто перережет твою рукоять пополам. И это будет меньшей из твоих проблем, ибо он, наверняка, не остановится и пройдет дальше через обе твои руки... к шее.

- Прекрасно, - сказала Мара, усваивая этот поток информации. - В следующий раз я нагнусь.

Он пожал плечами:

- Я, вероятно, предпринял бы какое-то усилие перехватить идущий на меня клинок, чтобы ограничить реакцию противника, но в целом, да, я попросту убрался бы к чертям с его пути. С ударом такой мощи всегда сложно справиться.

Мара кивнула, обдумывая сказанное. Скайуокер оказался довольно хорошим учителем, весьма непринужденным в своем подходе; она не чувствовала обиды на него или какой-то снисходительности в его словах, несмотря на его очевидный опыт. А открытость и готовность Люка слушать на их занятиях по рукопашному бою, где Мара еще одерживала верх - едва - были для нее примером, чтобы воспринимать уроки на мечах с такой же добросовестной учтивостью, как у него.

- Понятно, - произнесла она. - Но если их настолько трудно блокировать, почему бы не использовать их чаще?

Он завел сейбер назад, словно собирался вновь нанести размашистый удар, и остановился.

- Потому что есть хорошие полсекунды, когда клинок находится за линией моего плеча, оставляя меня полностью открытым для нападения, если у противника быстрая реакция. - Люк вновь привел сейбер в действие, на этот раз поднимая его медленно, и Мара приложила все силы, чтобы не дернуться, но инстинктивно вновь попыталась заблокировать Люка и так или иначе опять оказалась с практически прижатым к собственному телу своим клинком.

- Ты должна только перехватить клинок и отвести его в сторону от себя, - сказал Люк. - Просто отклонить. Не пытайся полностью остановить его - это слишком тяжело. Вот, сделай движение на меня.

Она медленно повела свой "живой" клинок на него, и Люк пренебрежительно отбил его вниз.

- Как ты серьезна.

Поднимая брови, Мара отклонилась назад и ударила с реальной силой в горизонтальном размахе. Слегка откидываясь, чтобы переместить центр тяжести, Скайуокер перехватил ее клинок своим и, не глядя, повернул оба лезвия так, что они прошли над его головой, пока он делал короткий шаг назад. Движение закончилось его клинком, повернувшимся к Маре: выгодное положение, как только ты получал контроль над ситуацией. Мара оценивающе кивнула, когда он выпрямился и сделал медленный шаг к ней, чтобы проиллюстрировать это; его сейбер оставался в высоком, но горизонтальном положении - так, что когда он двигался, он фактически прорвал ее защиту смертоносным ударом.

- Вот почему ты не должна бояться собственного клинка - он всегда будет между тобой и клинком твоего противника, как бы близко все ни происходило. - Люк ступил в сторону, держа руки внизу и делая сейбером медленные петли по сторонам от себя, плавно перехватывая рукоять из одной руки в другую. - Просто попробуй. Ты можешь начать с широких движений.

Мара последовала его примеру, вынося сейбер перед собой, с абсолютно сосредоточенным выражением на лице; сделала первую петлю и попыталась осторожно перехватить рукоять. Скайуокер силился задушить улыбку.

- Ты смеешься надо мной?! - замерла она.

- Конечно, нет, - возразил он. - Продолжай...

Мара вновь начала медленную петлю и опять остановилась.

- Ты смеешься!

- Нет! Я смеюсь с тобой.

- Я не смеюсь.

- Серьезно? Ты бы засмеялась, если бы увидела свое лицо.

- Ну да, это как раз то, что мне нужно.

- Извини. - Он обезоруживающе улыбнулся. - Извини, я беру свои слова обратно. Ты должна... продолжать тренироваться. Когда сможешь делать это без... такого мученического выражения, как сейчас, это будет означать, что ты справилась.

- Так ты поэтому сам так делаешь? - спросила Мара. - Чтобы не бояться "живого" клинка?

- Типа того, - он озорно усмехнулся, растягивая слова в свободном естественном произношении миров Внешнего Кольца - что он иногда позволял себе, находясь с Марой наедине. - Но мне также нравится, что это сводит тебя с ума.

Мара не смогла удержаться от вспыхнувшей в ответ язвительной улыбки:

- Эй, если ты хочешь отрезать себе уши, я не возражаю.

- Тебе только не хочется быть той, кому придется известить об этом Палпатина, так?

- Именно. - Мара напустила на себя важный вид. - «Он лишь пытался убедиться, что не боится, Ваше Превосходительство, и случайно отрезал себе голову».

Люк пожал плечами:

- Небольшая потеря.

Мара перевела взгляд на сейбер, улыбка чуть померкла:

- Поэтому ты так поступил вчера, в истребителе?

- Что? - Люку тотчас стало явно неудобно, корускантское произношение вернулось, все щиты хлопнули на место.

- Ты думал, я не заметила? - она подняла глаза, старясь сохранять тон легким и искренним. - Периодически ты сходишь с ума и делаешь что-нибудь вопиюще глупое. Как та перестрелка на Неймодии. Или когда ты вчера летел во Дворец. Ты просто... теряешь контроль.

- Спасибо, - произнес Люк с сарказмом.

- Я серьезно, - ответила Мара без всякого намека на шутку, никакой надменности, никакого притворства, только открытое, подлинное беспокойство. - Почему ты делаешь это?

- Я просто... - Он беспокойно пожал плечами, застигнутый врасплох ее непритворной искренностью, безупречное столичное произношение вновь исчезло. - Полагаю, я... даю Судьбе шанс.

Мара нахмурилась, не совсем понимая его, хотя знала, что он говорит правду.

- Что ты имеешь в виду?

Он вздохнул, смотря в пол.

- Думаю, я просто... даю ей возможность свободного выстрела. Если я... не должен быть здесь, делая то, что делаю, если я неправ, тогда... у Судьбы есть шанс исправить это.

- И ты... даешь Судьбе свободно выстрелить в тебя? - нерешительно спросила Мара, смягчаясь. Что происходило в его голове, если он делал такое?

Люк долго смотрел ей в глаза, и неуловимо, без видимых изменений, выражение его лица от честного и открытого перешло к абсолютно нечитаемому. Мара сделала вздох, собираясь вновь заговорить...

Движение получилось быстрым, как бросок змеи: сейбер Люка смазанной вспышкой взмыл вверх, сводя к нулю возможность реакции Мары; она в шоке дернулась назад под мощью наступающего на нее удара... Клинок остановился в паре сантиметров от лица, выбившиеся пряди волос зашипели в его свете. Мара застыла, пораженная скоростью произошедшего...

- Ты снова вздрогнула, - усмехнулся он; в странных несогласованных глазах смешалось острое выражение беспутного озорства и бесстрастного вызова. Затем он с той же резкостью опустил и отвел клинок в сторону, делая вокруг себя мощную одиночную петлю и отходя назад. Он закончил движение с сейбером за спиной, открыто приглашая Мару атаковать его. - Готова?

Клинок вибрировал, издавая низкий гул. Люк идеально распределил свой вес на пальцах ног, слегка повернув плечи, дабы придать мощь удару, который он нанесет, как только Мара двинется - она была уверена в этом. Он был абсолютно неуязвим в этот момент, являя собой воплощение сдержанной угрозы.

Разговор был определенно закончен. Мара отступила, собрав достаточно самообладания, чтобы отвлечь его.

- Я хочу поупражняться в той петле бесконечности, которую мы делали. Покажешь мне еще раз?

Он стоял на месте еще пару секунд, наклонив голову, смотря ей в глаза... и затем резко шагнул к ней, провернув меч в сложном движении, чтобы изменить хват на рукояти. Протянув руку вперед, он остановился, ожидая, когда Мара последует за ним.

Оставшуюся часть тренировки она прошла на автопилоте; мысли мчались, сопоставляя другие ранее произошедшие инциденты в некоем новом ирреальном смысле.

Случай перед покушением: когда Люк заставил сердце Мары остановиться, оказавшись посреди перестрелки на Неймодии между 701-ым и народным ополчением. Он тогда просто вышел из укрытия, направившись к тяжелым воротам склада, чтобы, закрыв их, поймать повстанцев в ловушку. Он просто шел - ни приседал, ни бежал, ни поднимал руку для защиты, только шел, словно тихонько прогуливался.

А за несколько месяцев до этого, на Орд Мирита, когда из толпы вышла тви'лек и выстрелила в него с близкого расстояния из тяжелого пистолета, он тоже только стоял, ничего не предпринимая; тви'лек успела сделать два выстрела, которые в сантиметре прошли мимо него. А Люк только смотрел на нее, зная точно ее намерения - потому что к моменту, когда она шагнула вперед, он уже остановился и повернулся лицом к ней, просто... ожидая.

Что происходило в его голове, раз он позволял - или даже искал - такие безумно рискованные моменты? О чем он думал, во что верил, что было настолько предосудительным в его действиях, если единственным способом успокоить свою совесть, было дать "судьбе" шанс исправить это?

Он оставался неразгаданной тайной для Мары, и чем больше она пыталась понять его, тем меньше она понимала. Но тем больше это привлекало ее, этот слабый шепот на самом краю ее сознания, захватывающий, как всегда, влекущий и очаровывающий, отодвигающий все остальные доводы разума в сторону. Чувствовал ли он то же самое? Поскольку несмотря на его недавнюю небывалую откровенность и ослабление той спокойной сдержанности, с помощью которой он всегда удерживал аккуратное расстояние между ними, когда он направил на нее взгляд своих своеобразных глаз, невозмутимый и хладнокровный, Мара внезапно осознала, что по правде говоря - как и во всем остальном, касающемся его - она... понятия не имела, что он чувствует к ней, никакого вообще.

<http://tl.rulate.ru/book/24624/1246192>